

Скандал на Петербургском курорте

Борис Инфантьев

Великий бытописатель латышской усадьбы конца XIX века русских (в отличие от еврейских, разъезжающих по усадьбам офень) упомянул в своих художественных произведениях всего-навсего только один раз.

Это единственное упоминание русских в довольно критическом стиле находим в сатирическом рассказе-юмореске Блаумана «Skandāls» — о курортной жизни петербургского весьма высокоориентированного разнонационального общества, среди которого немало важная роль отведена паре — русского, очевидно, весьма видного предпринимателя и его супруги, которые принимают самое активное участие в тех событиях, описать которое Блауманис посчитал не ниже своего писательского достоинства.

Итак, в фешенебельной курортной местности под Петербургом, населенной лицами если и не высокопоставленными, то, по меньшей мере, людьми не без достатка, произошел необычный, из ряда вон выходящий случай: молодая и прекрасная швейцарка мадемуазель Нейбаур, в недавнем прошлом бонна в семье грузинского князя Дардаудзе, подкинула прижитого от молодого князя младенца проживавшему тут же на летней даче китайскому негоцианту и коммерсанту Менгу. Китаец собирается взять посланного небом младенца в свою семью, что вызывает возмущение всех окрестных христианских дачников различной национальности, в том числе и русских, — что приводит к продолжительной дискуссии, ко-

торая показала подлинное лицо людей с достатком.

— Разве это возможно? — спросила жена меховщика Волкова у своего мужа. И закурила новую папиросу. — В таком случае этот ребенок станет, в конце концов, настоящим китайцем. Разве закон это позволяет?

— Я не знаю, — проворчал муж, на мгновение прерывая чтение «Листка», — очевидно — нет. Был бы скандал, если бы у него этого ребенка оставили!

— Ужасно! — воскликнула госпожа и подняла глаза вверх. — Без крещения, без ничего. Это же никуда не годится!

Муж пожал плечами и продолжил чтение. Но госпожа не унималась.

— В этом деле, по правде сказать, надо что-то предпринять, — она сказала. — Надо поговорить с приставом, ты же его знаешь.

— Поговорить следовало бы.

— Ну, так поговори! Такая дура. Именно у дверей язычника оставила этого ребенка.

— Ну, спасибо, я бы поблагодарил, если бы она эту дрянь подкинула к нашим дверям.

— Упаси Боже! У наших! Что бы мы с ним! Если уж у нас самих дети не появились, что же с таким чужим лягушонком... — И она скорчила лицо и отрянула пепел с папиросы, легко ударяя о нее круглым белым пальцем. — Разве не могла там у этого немецкого барона или у Яковлева, или у нашего пекаря — у них ни у кого нет детей!

Через день в пяти петербургских газетах и в шутивно-юмористическом, и в серьезно-патетическом листке, событие было рассказано и вызвало большое волнение во всей дачной колонии. Жена меховщика Волкова стала очень нервной и отправилась выговориться к пекарю, ибо других знакомых у нее не было. Барон Бикскорем говорил об исчезновении духовности вместе с распространением полубразованности, простой миллионер Яковлев проклинал бесстыдство Менга, двукратный миллионер Хрусталева посинел лицом и говорил о новой карательной экспедиции в Китай.

Около полудня полицейский чиновник пришел к Менгу.

— Я пришел из-за того ребенка, — сказал полицейский, — мне кажется, вы его не сможете оставить у себя. Закон и власти... И затем... в газетах об этом пишут, и вся колония очень взволнована. Вам придется этого ребенка отдать.

— Кому? Вам?

— Мне? — чиновник почти что испугался. — Что же я с ним буду делать? Я ведь совсем не женат!

— Кому же мне его отдать? Разве кто-нибудь из моих соседей хочет его взять?

— Нет, нет. Но... У нас приюты... детские приюты... Туда его надо сдать...

— Ну, так берите его, — сказал китаец.

— Но у меня на это нет никаких предписаний, — уклонился чиновник.

— Знаете что, — сказал Менг, — если я этого ребенка не имею права оставить у себя, и вы его не смеете унести, то разрешите мне его здесь в нашей колонии передать по аукциону. Здесь ведь без меня найдутся другие, которые захотят его воспитать. Вы же сами свидетельствуете о том, как тепло вся колония интересуется ребенком. Я сам через моих слуг разошлю извещение.

Но никто не откликнулся.

— Это стыдно! Целый скандал! — сказала госпожа Волкова, услышав это. — Если бы я не была такая нервная, для барона Бикстрема это дело было весьма нечистым.

Несколько позже, после того один крестьянин с возом овощей приехал в колонию. Услышав об отдаваемом ребенке, он пошел на дачу Менга. Жена его уже давно желала взять воспитанника, а здесь еще и такой христианский подвиг.

Но двери и окна были забиты — китаец со всеми своими людьми уже уехал.

— Боже мой! — воскликнул крестьянин, — вот черту одна душа в лапы брошена! Боже мой! Что же мне делать?

— Можно было бы телеграфировать, — кто-то посоветовал, — китаец в Петербурге можно разыскать.

Но ни у кого не нашлось денег для такой телеграммы.